

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССРГод издания 32-й
№ 95 (4220)

Четверг, 11 августа 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЭТО КАСАЕТСЯ АБСОЛЮТНО ВСЕХ

В ВЕНЕ, в одном из бесчисленных там маленьких кафе, я оказался за столиком, за которым сидел пожилой человек. В руках у него была газета, но читал он ее довольно странно: заглядывал куда-то внутрь страницы, потом положил на стол и на полях пишет колонки цифр. Думает что-то, шевелит губами, и опять заглядывает в газету. Наконец он отложил ее в сторону, снял очки и, посмотрев на меня близорукими глазами, сказал:

— Нет, нет, нас не проведешь, мы-то уж знаем: раз промышленники или крупные торговцы заговорили о равновесии цен, жди удорожания. Эту тетиву всегда натягивают в две руки. Я вот подождал: если они повысят цены только на мясо и молочные продукты, и то моя пенсия затрещит по всем швам.

Я решил сразу открыть свои карты — объявил, что я отсюда, и сказал, что мы, советские люди, таких тревог не знаем. Он снова надел очки, долго пристально смотрел на меня и потом с явным неудовольствием спросил:

— У вас не бывает повышения цен?

— Нет, я знаю только два случая: на водку и на автомобили.

Мой собеседник махнул рукой:

— Ну, кто может купить автомобиль вообще, тот может купить и подорожее, а без водки существует большая часть человечества. А вот продовольствие, мануфактура?

— На это почти каждый год происходит снижение цен.

Мой собеседник помолчал и сказал:

— Вы меня извините, но позвольте не поверить вам. Вы, русские, очень любите делать пропаганду. Но не может быть, что все торговцы в вашей огромной стране нечестные люди и не хотят увеличения прибыли, более того, сами себя разоряют?

Пришлось мне терпеливо и долго объяснять, что такое наша советская торговля. То ли я плохой пропагандист, то ли мой собеседник не из понятливых, во всяком случае, он мне не поверил. Все же, я думаю, дело во мне: разговаривая с ним, я не учитывал, что передо мной сидит человек из мира капитализма, человек, для которого торговля, цены, семейный бюджет — повседневная тревога. И то, что у нас понятие школьного, в его голову попросто не укладывается.

Я вспоминал сейчас об этом разговоре в Вене не случайно. Армия работников советской торговли переживает дни глубоких и радостных размышлений о своей деятельности для народа — они изучают постановления партии и правительства о мерах по дальнейшему улучшению торговли. Внимательно читают документы, все советские люди, ибо то, о чем идет речь в постановлениях, касается абсолютно всех. Мы знаем по своему социалистическому жизненному опыту — раз говорится об улучшении торговли, значит, речь идет об улучшении нашей жизни. Торговля у нас — сфера государственной политики, всегда и во всем верно служащая только интересам народа.

С самых первых лет Советской власти партия коммунистов обратила пристальное внимание на торговлю, как важнейший фактор организации и укрепления экономики Советского государства и улучшения жизни народа. Советская торговля предстала тогда перед людьми как принципиально новое экономическое и политическое дело, которое нужно было строить, начиная буквально с первого камня. С какой страстью В. И. Ленин призывал коммунистов овладеть этим делом и стать умелыми командирами этого участка фронта борьбы за социализм!

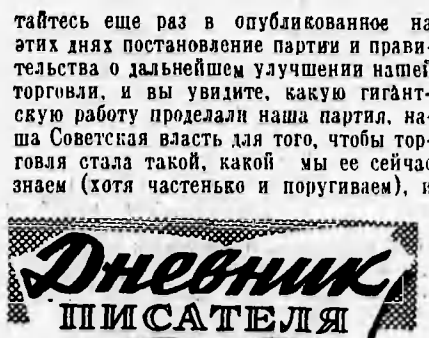
Весна 1922 года. Вспомните всю сложнейшую и напряженнейшую обстановку того времени и теперь прочитайте, что говорил Ильич в те дни с трибуны XI съезда РКП(б):

«Вопрос в том, что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не знает, этому не учили и не хотят учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться по ридового приказчика, который бежал в лабз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает».

И вот, если мы, товарищи, это, хотя бы первое, незнание поправим, то это будет громадная победа».

И вот коммунисты овладели и торговым делом. Под свежим впечатлением приведенных выше ленинских слов вчи-

Василий АРДАМАТСКИЙ

для того, чтобы стали абсолютно реальными те новые перспективы, которые в этом постановлении намечены.

...БЕСЕДУЮ с посетителями недавно открывшейся на улице Богдана Хмельницкого «Домовой кухни». Все мои собеседники — простые советские люди, заботой о которых проникнута каждая строка постановления. Домохозяйка Ф. Старостина говорит: «Да вот за одну эту кухню можно сказать только спасибо. Посмотрите, какое чудное мясо, а как вкусно приготовлена шинкованная капуста. А как тут все чисто и аккуратно, даже если забудешь взять из кастрюли, тебе здесь ее дадут. Это настоящая забота о нас».

Беседаю с другой домохозяйкой — Е. Зезинкой. Во время беседы она пьет горячий кофе с булочкой, взятый тут же в кухне. «И совсем все недорого», — говорит она. — Например, очень вкусные голубцы по восемьдесят копеек. В общем мы с мужем уже регулярно бываем здесь».

Затем захожу в кабинет заведующего А. А. Рыбалова. Он «висит» на телефоне:

— База? Пришлите мне свежей капусты. Нету? Квашеной не надо. Я уже ее получил восемь бочек. Помидоры есть? А морковки? А лук? А когда же все это будет? — он тяжело вздыхает и кладет трубку.

В постановлении, — говорит он мне, — есть все, что нам, торговцам, надо. Я уверен, что теперь будет наведен порядок в работе оптовых баз. Это же позор, когда при богатом урожае помидоров с базы тебе сообщают, что помидоров нет. А потом обнаружится, что тонны овощей сгнили только потому, что у базы не было грузчиков или хороших складских помещений, или транспортных средств...

Был я и в кабинете директора московского ГУМА Владимира Георгиевича Кименева. Даже сюда доносится гул громадного торгового здания, как всегда, заполненного покупателями. Десять миллионов рублей — такова ежедневная выручка этого магазина-гиганта, в котором работают три тысячи продавцов. Кстати говоря, тысяча четырехста из них имеют высшее или среднее специальное торговое образование.

— Прямо беда, все хотят учиться, — смеясь, замечает Владимир Георгиевич. — Когда наступают пора экзаменов, торговать некому».

Это ли не еще одна дилемма нашей советской торговли, ставшей важнейшим государственным делом! Мы говорим о постановлении. Оно лежит у него на столе, и он все время на него поглядывает. В разговоре всплывают все новые и новые, строго практические дела, кото-

рые с помощью этого документа могут быть решены. Скажем, воздействие торговли на промышленность. Владимир Георгиевич рассказывает, что на складах московских швейных фабрик образовался завал из тканей на 260 миллионов рублей. И все это вещи, которые покупатель не хочет брать. В начале лета вынесла этот товар на оптовую ярмарку — думали, пойдет. Нет, не пошел! Послали на склады фабричную специальную бригаду — вдруг все-таки в товарном завале найдется что-нибудь для продажи. Нет, не нашлось! А этот завал только потому и образовался, что до сих пор отношения между торговлей и промышленностью не были прочными принципами взаимной заинтересованности и взаимного контроля. Теперь эта беда будет устранена. Затем Владимир Георгиевич говорит о насущной необходимости расширения торговых площадей ГУМА.

— Мы в центре Москвы. Здесь новых больших магазинов построить негде. Значит, надо пустить в ход все резервы. Нельзя больше мириться с тем, что в здании ГУМА около десяти тысяч квадратных метров площади занято посторонними организациями. А во всем Петровском пассаже всего только пять тысяч квадратных метров!

Да, гумовцы надеются, что постановление поможет им получить эти почти три Петровских пассажа. В том-то и огромная действенная сила постановления, что все в нем строго конкретно и все государственному широко устроено к одному — сделать нашу торговлю лучше, а это значит — улучшить жизнь народа. И директор огромного ГУМА, и заведующийлавкой серьезно входят в постановления, то о чем они сами не раз думали, ибо армия работников торговли хочет того же: лучше служить своему народу.

В августе Совет Безопасности вновь подтвердил свое требование об очищении всей территории Республики Конго, включая провинцию Катанга, от войск бельгийских интервентов.

Однако поведение бельгийских колонизаторов показывает, что они отнюдь не собираются отказаться от своего плана расчленения Конго и отторжения от него богатейшей провинции Катанга. С этой целью они используют свою марionетку Чомбе. Надвигаясь на Катангу, Чомбе вопит, что Катанга согласна на «федерацию», требует проведения «референдума» и новых «выборов». Все это делается в расчете на то, чтобы заткнуть и углубить разрыв в полороде Республики Конго.

Сегодня мы печатаем в сокращенном виде статью французского журналиста Жана Бена, опубликованную в последнем номере парижского еженедельника «Экспресс», в которой автор разоблачает махизм бельгийских колонизаторов в Конго.

Плоды твердой политики.

Рисунок Н. Лисогорского.

ПРОЩАЙ, БРАТСКИ!

ИВОЙ я. Жить буду. Теперь-то я буду жить! Буду! Это же ясно! Борис висел на вытяжении в девятой палате иркутского института травматологии. Все, что было до этого и как было, он помнил совершенно отчетливо. Он ни разу не терял сознания. Еще в котловане дежурная сестра все хотела ему укол сделать. А он никогда не делал этих уколов, он боялся их лучше змей. Он рычал. Он мотал головой. Он умолял: «Пущонок, не надо, не могу, не хочу...» И все-таки он получил укол, первый из огромного множества, что ему предстояло получить в течение первого месяца болезни.

Когда были около бетонки, Борис велел позвать Валю, она работала диспетчером. Паниченко сбегал, привел. — Ну как, Валюша? — спросил он и посмотрел ей в глаза. Он не ждал ее слов, не думал о том, что она скажет, он ждал — как она скажет.

— Ничего. Ты не разговаривай, тебе больно, — ответила она спокойно. Борис закрыл глаза. Так. Тут все ясно. Впрочем, чего он хочет? Ведь он ждал, как она скажет.

— Пошли, братцы! — сказал он, не открывая глаз. — Быстрее, братцы. Я спешу. Быстрее...

На своих руках ребята принесли его в поликлинику. Уходить от него, конечно, не собирались, и хирург довольно резко сказал:

— До свидания, до свидания, товарищи! Вы свое дело сделали. Идите, отдохните, оставьте теперь заботу нам. Ребята остались дежурить у двери. На Борисе распорядились тельничку, окровавленные лохмотья выбросили. Под руки ему подложили лямки, но он охнул от боли и сбросил их. Из рентгенкабинета хирург вышел через полчаса и, наткнувшись возле двери на ребят, сказал коротко:

— Все хорошо. Идите, успокойте остальных. — Оставшемуся Паниченко он объяснил: — У него перелом позвоночника. Это очень плохо, понимаете? Так-с. Другой бы на его месте вряд ли бы остался... Мда. Так вот еще что, Гайнулина мы отправим вертолетом в

Продолжение. Начало см. № 91, 92, 93 и 94 «Литературной газеты».

Иркутск, нужно здесь площадку расчи-

стить, чтобы не везти до аэродрома.

Сможете?

Вся бригада дежурила у поликлиники, пока Борис был там. После работы шли прямо туда. Стояли у окна. Ждали. Сестры нервничали и докладывали врачу:

— Все идут да идут, и все Гайнулина спрашивают.

— Никого! Ясно?

Кто-то за окном говорил голосом Жел-

А против мелочи разве по-прежнему? Отобрав нашего Бориса! Имамеву разрешили проводить друга до палаты. Тихий верный Санька не отходил ни на мгновение. Борис выглядел ужасно. Голова, лицо, руки были побиты.

— Борь, как ты? Ведь ты совсем не плох, а, Борь?

Тот качал головой:

— Не ври, Саня, я в тебе, как в зер-

кале, себя вижу. Ведь кончен я, чего там... А тебе лететь нечем. Работать ведь... Прощай, Саня. Всей брига-

де... Мой...

И когда задвигали носилки, Борис еще сказал:

— И — осторожнее, Саня, не надо на скале, как я! Слышишь, Саня?

Вертолет закрыл вокруг пыльную

метель, поднялся и полетел на Иркутск. Прощай, бригада! Прощай, родной Братск!

ПИСЬМО ДОМОЙ.

ДРАВСТВУЙТЕ, доро-

гие мама, сестренка!

Мама, я долго не ли-

сал вам, и писать-то бы-

ло неудобно. Ведь ты

знаешь, что я лежу с

больной рукой. Мамочка,

я прошу тебя, не рас-

страивайся, все будет хо-

рошо, поверь мне. Прав-

да, случилась беда, но

что-то сделаешь, прих-

отится мириться и с этим.

Чувствую себя очень хорошо, ем все

что захочу, так что обо мне не беспоко-

койтесь, после приеду домой в отпуск.

Насчет поездки ко мне сюда я даже

не знаю, что сказать. Если бы не одна,

а с кем-нибудь, тогда хорошо бы, а вот

одной тебе неудобно будет, ведь рас-

стояние не близкое.

Привозить мне ничего не надо,

чувствую себя хорошо, даже надо ска-

зать — совсем здоровым, а все осталь-

ное — Ты? Как? Сюда?

Человек открыл глаза, и она поняла,

что это он.

— Прилетела.

— Как узнала?

— Дагадалась.

Она сказала бы ему:

«Братик, родной братик! Почему же

так, за что же так? Разве ты был та-

кой? Ты брал меня на руки и нес целый

километр. Ты возил меня на лямке, кру-

тые скалы и отыскивал там отгнившие

тильпаны для меня. Ты был самым

сильным, самым веселым! Почему же

ты здесь, в больнице?»

Она сказала:

— Ты выглядишь совсем плохо.

Боря. А я выхожу на работу. Я пойду

в твою бригаду.

Он сказал бы:

«Сестреночка! Какая ты хорошая у

меня, и глаза цветут, а вот волосы ко-

сынькой прирыла, думаешь не замеча-

ешь, что косы обрезаю и кудряшек навил...

А я, видишь, какой, ведь живого-то

внутри ничегошеньки не осталось. Бол-

таюсь между небом и землей и не пой-

му, то ли вознесся, то ли нет еще.

Вот такой я, сестреночка, даже погля-

дишь тебя не могу. Да ведь я тебя, на-

верное, напугал своим видом, а? Ты уж

так не смотри на меня, слушай голос,

и представь прошлого Борьку».

Он сказал:

— На работу пока не надо. Побудь

около мамы. Ничего не говори. Не на-

до. А письмо я отправил, и вообще я хо-

рошо...

— Все. Больше около больного

оставаться нельзя, — категорично ска-

зала подождевшая сестра, и они рас-

стались.

МЫ ЕЩЕ ПОПОЛЗЕМ

ЧЕРЕЗ месяц его сняли с растя-

жек.

— Мы еще побегим! — гро-

зил он.

А это переворачивали. Два часа на

животе, полтора — на спине.

— Мы будем ходить.

Полтора на спине и снова на живот.

Чтобы не было пролежней.

— Мы еще поползем, — сказал он

однажды, с ненавистью глядя на пол.

Четыре человека ворочали его. Те-

перь он хорошо узнал сестру Неллю

Георгиевну Саламатину.

— Георгиевна, мы еще поползем!

— Конечно. Ну-ка, дай я это пят-

нышко спиртом камфарным протру. А

то вдруг — пролежень. Вот так.

Она дежурила днами. Дежурила но-

чами. Казалось, она так же постоянна

и вечна, как эта больница и все окру-

жающее. Стоило открыть глаза, и он

видел ее. Однажды Борис спросил:

Скажи, скажи мне по-честному,

по-честному ну?

— Зачем же я тебя буду обманыв-

ать. Вот лежат у нас люди по полгода,

больше, а потом и ползают, и на

ноги встают.

— Что? Полгода? Да я сам через

два месяца встану! Не верите? Я толь-

ко этого проклятого пола доберусь! Я

вам покажу!

Когда его смогла переворачивать

только одна сестра, Борис поднял

бунт:

— Все. Я сам. Не трогай, Георгиев-

на, смотри, как я...

(Продолжение на 2-й стр.)

Анатолий Приставкин

Три жизни

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

СРЕДИ
КНИГ
И
ЖУРНАЛОВ

В иронии е-
сном трактате
Никосова «По-
говорим о по-
эзии» рассказы-
ются, как «слово
вазало... поэт и ска-
зал».

— А сейчас,
товарищи, я про-
чу вам свои по-
следние циничные
стихи.

Как только он это сказал, нам все стало понятно: конечно же, циничными стихами на языке поэтов называются стихи, написанные о целине, точно так же, как стихи о Москве будут называться московскими... об уборочной кампании — уборочными... и т. д.

Эта цитата приведена не забавы ради. Подчас мы сами не замечаем, как классифицируем не только стихи, но и самих поэтов по каким-то странным признакам. Мы делим их на вороньих, куропаточных, хабаровских и курских. И, наверное, неслучайно было отделить Н. Рыленкову от титула «смоленский», а Н. Ушакову — «киевский».

Впрочем, ни беды, ни обиды в том бы и не было, если б географические клички не закреплялись за поэтами с ответственностью места в критических со-
борах. Порою, говоря об «областном» поэте, не судят его по «всесоюзному» счету, а просто выясняют, как он жи-
вонисует свою Оролщину да не уда-
ряется ли при этом в эзохотик.

В этой статье речь пойдет о трех молодых поэтах, прописанных в Ха-
баровске и Красноярске — о Римме Ка-
заковой, Майе Борисовой и Павле Ха-
лове. Случилось, что кого-то из них
вдруг начинали бранить за то, что они
«не так» отражают быт своего края,
таежную романтику. Другой критик не
соглашался и утверждал, что, напро-
тив, романтика отражена именно «так».

И спор был бы совсем справедливым, если б спорщики не забывали, что Рим-
ма Казакова или Майя Борисова при-
 всем при том еще и поэты, которых
можно оценивать не только с точки
зрения местного колорита, но и с точки
зрения жизни и поэзии.

Французский писатель Ша-
роль вспоминал, как однажды
на парижской улице с ним позд-
новался незнакомец, молодой извозчик.
Поздоровались потому, что заметили, с ка-
ким сочувствием следил писатель за его
нелегкой работой. «Пустяк, — одно сло-
во, но оно означало, что мы поняли
друг друга». Вот и в книге — должен
быть такой взгляд, и когда читатель
встретит его, он остановится, чтобы
приветствовать тебя. Как друг...»

Заслужить это приветствие не про-
сто. Читатель лишь тогда признает в
поэте друга, если увидит в стихах
понимание своей жизни, своего труда
или хотя бы глубокий интерес к себе.

У молодого поэта Павла Халова есть
не только интерес — настоящая влюб-
ленность в рабочих людей. Есть и зна-
комство с разными сторонами жизни,
«бытовальство». Его принципиальные де-
clarations и пристрастия в большинстве
своем справедливы, к ним мог бы при-
соединиться любой из нас. И все-таки...
все-таки, понимая и принимая эти его
качества, мы никак не можем до конца
высказать: кто же он такой, этот поэт,
или, как принято говорить, его лириче-
ский герой? Это потому, что многие

Павел Халов. «Если я промолчу...» Стихи.
Издательство «Молодая гвардия». Майя Бо-
рисова. «Лирические стихи». На первом
переводе. Стихи. Красноярское книжное
издательство. Римма Казакова. «Там, где
ты». Стихи. Издательство «Советский пи-
сатель».

Таким мы видим Шаумяна в этой книге.
Мы видим, как постепенно его широкие
литературные интересы и познания пере-
растают в целую научную концепцию
искусства, как революционный опыт, ре-
волюционная теория способствуют выра-
ботке научных принципов литературного
анализа. От пламенной речи, пронесен-
ной юной Шаумяном на чествовании
Газароса Агяляна, — речи, полной рево-
люционного протеста, полной гнева и а-
дреса трусливым либералам, — и до появле-
ния его статей о Толстом и Горьком про-
шло не так уж много времени. Но в это
время Степан Шаумян вырос и окреп как
марксист, он обрел близость с Лениным как
борец и мыслитель. И это наложило свой
четкий отпечаток на характер его блестя-
щих критических статей.

Много внимания А. Воскресенский уделяет
С. Шаумяну как знатоку и критику ар-
мянской литературы. Степан Шаумян сле-
дел немало для марксистского освещения
истории Армении и истории армянской об-
щественной мысли. Именно поэтому так
верными и четкими явились харак-
теристики деятельности знаменитого рево-
люционного демократа Микхеэля Налбанд-
яна, творчества армянских классиков —
Хачатуряна, Абовяна, Сундукяна, Раффи,
Туманяна, данные в трудах Шаумяна. Бо-
рясь против буржуазных националистов,
против либералов и меньшевиков, ис-
каживших историю армянского народа, по-
ставивших армянскую культуру в виде «этнического потока». Степан Ша-
умян дал незыблемо верные оценки яв-
лений классовой борьбы в литературе ар-
мянского народа. Он и сам практически
участвовал в этой борьбе, поддерживая
все прогрессивное, демократическое в ис-
кусстве, содействуя росту молодой армян-
ской социалистической поэзии. Он любил
стихи Левоника Исаакяна, интересовался
творчеством Вагана Теряна, дружил с за-
мечательным пролетарским поэтом Аго-
ном Аполянном, поддерживал его новатор-
ские дерзания.

Книга А. Воскресенского — полезный ис-
следовательский труд. Однако не все в
ней бесспорно. Думается, что автор недо-
статочно оценивает суждения Шаумяна о рево-
люционно-романтических тенденциях в ис-
кусстве. А. Воскресенский прав, считая, что
«уже в юношеские годы Шаумян был по-
рячим защитником реалистического при-
нципа в искусстве». Но напрасно он не
замечает при этом горячий симпатизм Ша-
умяна к боевой романтике, к поэзии соци-
альной бури и патетики. Недостаточно уда-
лась, на мой взгляд, и шестая глава кни-
ги: «Стиль Шаумяна-публициста». В ней
слишком много общих положений и сли-
шком мало конкретного анализа.

Книга о Шаумяне и его литературных
взглядах заставляет вспомнить и о таком
замечательном критике-марксисте из ок-
ружения Ленина, как Сурен Спандарян.
Его наследие также нуждается в изуче-
нии. Хотелось бы, чтоб о С. Спандаряне
появилась такая же обстоятельная ра-
бота, как книга А. Воскресенского о Шаумяне.

Ал. ДЫМШИЦ

А. Воскресенский. «Степан Шаумян и вопро-
сы литературы». Издательство «Советский
писатель». 1959.

стихи Халова как бы
написаны разными людь-
ми, конечно, единомыш-
ленниками, даже друзья-
ми, но разными.

Если мы возьмем стихи, посвящен-
ные тому, что Халов любит больше все-
го, — морю и морским, мы увидим, что
в одном случае он искренне хочет ка-
заться — не только читателю, но и се-
бе — этиками плечистым парняком с
валкой походкой; в другом — проник-
нется тихой гриновской грустью. А вот,
может быть, наиболее естественное сти-
хотворение «Просто ночь», — о том,
как «впервые уснула свободная
вахта, свесив с коек тяжелые, веские
руки».

Просто ночь...
Что же я — незадачливый кормчий —
Так волнуясь и думаю...

Буду биться один на один с нею
И с восторгом умру

бесмятным, безгласным,
Чтобы только покаявшись по-прежнему
На спелом к своим берегам пароме
Эти руки — такие большие и нежные,
Эти руки друзей моих,

спящих в походе.
Молча

Эта экзальтированность лирического
героя, его суетливая восторженность,
пожалуй, лучше картинной подделки
под «марсфлот». Лучше потому, что
это все же живое, подлинное проявле-
ние авторского чувства. Но чувство это
еще не настолько индивидуальное и
осознанное, чтобы о лирическом герое
можно было говорить как о сложив-
шемся характере.

Как будто бы странно на первый
взгляд: Халов уже многое повидал, и
уже умеющий лепить привлекательные
образы своих героев, свой «образ» еще
не «вылепил». Он пока не стал «самим
собой».

А что это значит: стать самим собой?
Имеет ли реальное содержание эта
фраза, неслучайно эксплуатируемая в по-
следнее время молодыми поэтами? Да,
имеет. «Стать самим собой» — значит
стать поэтом. Значит найти свое место,
свою твердую меру поступков и мыс-
лей. Значит очистить свое восприятие
мира от всего необязательного и неса-
мостоятельного (а это процесс подчас
нелегкий) и добиться того, чтобы на ко-
нечном свободном и незамутненном проявля-
лась в стихах сама личность поэта.

Разумеется, речь идет о тех, кому
еще что-то мешает.

А БЫВАЕТ так, что поэт, спеша
выйти в большую поэзию, не
«открывает», а придумывает
себя. Мне кажется, так произошло с
Майей Борисовой, человеком, несом-
ненно, одаренным.

У Борисовой уже есть определенные
навыки в работе над стихом, есть про-
фессиональная осанка. И все-таки в
большинстве случаев это еще не стихи.
Она преследует романтизм. Но ведь
романтизм — это не сезонный
настроение. Это особое видение мира, его
своеобразные конфликты и детали.
Это характер, а не одежда.

Яростная, жадная, напряженная
речь Вагарицкого отлична от суровой
солдатской сдержанности раннего Тихо-
нова и уж совсем не схожа с застенчи-
вой, чуть иронической улыбочкой
Светлова. Но все они — романтики, на-
стоящие, «без обмана». А можно, не
обладая «романтической природой», во-
сходить к внешней экспрессии.
Только блеск будет холодный.

Тем не менее блеск этот привлекает
Майю Борисову, хотя она, как мне ка-
жется по отдельным ее стихам, поэт
скорее драматического плана, с тягой
к сюжетному стиху. И вот в обиход
ее книг замелькают и традиционные
«романтические» штампы («Такая и степь
ранула навстречу — со мной знакомство
уже было»). Романтизм отбрасывает плечи.
Начало дальнего пути, и штампы соб-
ственного произвола. Ведь штампы
можно и изобретать — дело здесь не в
отдельных стертых образах и деталях,
а в общем банальном ходе мысли. Но
даже в стихах Халова, где мысленно
идет этот: «Вот так до земли идет Мельпо-
мена» — в словесном, а не в атласном пла-
не, — начинаешь колебаться: вроде бы
и нигде не встречал, а все-таки зна-
комо. И потом понимаешь — обивка
новая, а каркас давний...

Вот одно из харак-
терных для Борисовой
стихотворений — «Бал-
лада о газетчике», при-
ехавшем за корреспонденцией в село,
где

Никаких «трудовых побед»,
К сожаленью, в колхозе нет,
И четвертый день напролет
Дождь, как проклятый, льет и льет...

Газетчик просит собрать народ, затем
следует четверостишие о том, как «люди
дралась за урожай».

И ушел от них с темной
Человек в городском пальто.
Возвратился в город к утру.
Через сутки — метался в жару,
Славя отлегу в положенный срок
Информацию

В тридцать строк.
Может быть, кто-нибудь сочтет это
стихам «в тихоновской манере». Но в
них нет романтизма, а штамп о безликом
человеке, чудом спасающем урожай. Не
сдержанность, а бедность. Сдержан-
ность нужна только там, где есть что
сдерживать.

Я нарочно взял не самое слабое, но
самое обобщенное стихотворение Бори-
совой. Здесь банальный нарис не дра-
матизирован никаким «атласным плащом».

Все давно знакомо, понятно и видно —
все, кроме живого лица автора.

Прочтя стихи Борисовой, так и не
узнаешь — что она за человек, чего
хочет, что может. Блескущий лиризм
их даже теплоты и непосредственности
(чем так привлекают стихи Халова).

Маска не может ни смеяться, ни пла-
кать.

РИММА Казакова схожа с Майей
Борисовой по жизненному пути:
тоже окончила ленинградский при-
вуз, тоже уехала на Восток. Но тут
сходство и заканчивается.

Казакова очень любила этот край,
ощутила его своим. Но она уви-
дела в нем не только «дальние дороги»,
в его людях разглядела не абстрактно-
романтических манекенов, а на плечи
себе ввалила не условный рюкзак.

Скучая я по новому,
по воздуху сосновому,
по зарям даурским,
по завоям амурамским.

Туда хотелось мне бы,
где не такие люди,
где не такое небо,
где все иначе будет...

Иначе — то есть проще,
но многое на ощупь,
иначе — то есть легче,
но большой груз на плечи...

Это написано о крае, где сейчас,
может быть, как нигде, зримо строится
наше будущее, где особенно резко и
богато проявляются характеры. Это и о
собственной судьбе. Еще полудетское
стремление повидать края, «где не та-
кое небо», вдруг преобразуется в разду-
мьем о жизни вообще. Этот «груз на
плечи» нужен не только для того, что-
бы ощутить себя выполняющим долг пе-
ред Родиной. Он должен быть просто
естественным, необходимым, как нор-
мальное атмосферное давление.

И дальше Казакова еще настойчивее
утверждает постоянные поиски, смело
процеливая свое молодое неуспокоение
на развитие всей нашей жизни.

Все хорошо: и лесня, и работа,
и право у костра встречать рассвет,
и даже эти поиски чего-то,
чего на деле, может быть, и нет...

Поэт Степан Смоляков, рецензируя
стихи Р. Казаковой, так отозвался о
них: «Красиво... Но насторожен-
ность возрастает: к чему же искать
того, чего нет? Выходит — по-
иски все, а цель поисков — неважна,
поиски ради поисков? Этак вроде бери-
тейлинского: движение — все, цель
— ничто?»

Критика давно уже дала справедли-
вую отповедь этой необъективной и ос-
корбительной рецензии. Но стоит к не-
существующей еще раз подумать, что
произошло, почему так здесь
произошло, почему так произошло
двух взглядов на жизнь. Хотел
Смоляков или нет, но он дал обратный
субъективный догматический подход не то-
лько к поэзии, но и к жизни.

Верно, поиски — это не бесцельные
и бесплодные метания. Но разве цель —
это что-то формально заданное? Разве

Ст. РАССАДИН

ехавшем за корреспонденцией в село, где

Никаких «трудовых побед»,
К сожаленью, в колхозе нет,
И четвертый день напролет
Дождь, как проклятый, льет и льет...Газетчик просит собрать народ, затем
следует четверостишие о том, как «люди
дралась за урожай».И ушел от них с темной
Человек в городском пальто.
Возвратился в город к утру.
Через сутки — метался в жару,
Славя отлегу в положенный срок
ИнформациюВ тридцать строк.
Может быть, кто-нибудь сочтет это
стихам «в тихоновской манере». Но в
них нет романтизма, а штамп о безликом
человеке, чудом спасающем урожай. Не
сдержанность, а бедность. Сдержан-
ность нужна только там, где есть что
сдерживать.Я нарочно взял не самое слабое, но
самое обобщенное стихотворение Бори-
совой. Здесь банальный нарис не дра-
матизирован никаким «атласным плащом».Все давно знакомо, понятно и видно —
все, кроме живого лица автора.Прочтя стихи Борисовой, так и не
узнаешь — что она за человек, чего
хочет, что может. Блескущий лиризм
их даже теплоты и непосредственности
(чем так привлекают стихи Халова).Маска не может ни смеяться, ни пла-
кать.РИММА Казакова схожа с Майей
Борисовой по жизненному пути:
тоже окончила ленинградский при-
вуз, тоже уехала на Восток. Но тут
сходство и заканчивается.Казакова очень любила этот край,
ощутила его своим. Но она уви-
дела в нем не только «дальние дороги»,
в его людях разглядела не абстрактно-
романтических манекенов, а на плечи
себе ввалила не условный рюкзак.Скучая я по новому,
по воздуху сосновому,
по зарям даурским,
по завоям амурамским.Туда хотелось мне бы,
где не такие люди,
где не такое небо,
где все иначе будет...Иначе — то есть проще,
но многое на ощупь,
иначе — то есть легче,
но большой груз на плечи...Это написано о крае, где сейчас,
может быть, как нигде, зримо строится
наше будущее, где особенно резко и
богато проявляются характеры. Это и о
собственной судьбе. Еще полудетское
стремление повидать края, «где не та-
кое небо», вдруг преобразуется в разду-
мьем о жизни вообще. Этот «груз на
плечи» нужен не только для того, что-
бы ощутить себя выполняющим долг пе-
ред Родиной. Он должен быть просто
естественным, необходимым, как нор-
мальное атмосферное давление.И дальше Казакова еще настойчивее
утверждает постоянные поиски, смело
процеливая свое молодое неуспокоение
на развитие всей нашей жизни.Все хорошо: и лесня, и работа,
и право у костра встречать рассвет,
и даже эти поиски чего-то,
чего на деле, может быть, и нет...Поэт Степан Смоляков, рецензируя
стихи Р. Казаковой, так отозвался о
них: «Красиво... Но насторожен-
ность возрастает: к чему же искать
того, чего нет? Выходит — по-
иски все, а цель поисков — неважна,
поиски ради поисков? Этак вроде бери-
тейлинского: движение — все, цель
— ничто?»Критика давно уже дала справедли-
вую отповедь этой необъективной и ос-
корбительной рецензии. Но стоит к не-
существующей еще раз подумать, что
произошло, почему так здесь
произошло, почему так произошло
двух взглядов на жизнь. Хотел
Смоляков или нет, но он дал обратный
субъективный догматический подход не то-
лько к поэзии, но и к жизни.Верно, поиски — это не бесцельные
и бесплодные метания. Но разве цель —
это что-то формально заданное? Разве

СТАТЬ САМИМ СОБОЙ

Ст. РАССАДИН

ехавшем за корреспонденцией в село, где

Никаких «трудовых побед»,
К сожаленью, в колхозе нет,
И четвертый день напролет
Дождь, как проклятый, льет и льет...Газетчик просит собрать народ, затем
следует четверостишие о том, как «люди
дралась за урожай».И ушел от них с темной
Человек в городском пальто.
Возвратился в город к утру.
Через сутки — метался в жару,
Славя отлегу в положенный срок
ИнформациюВ тридцать строк.
Может быть, кто-нибудь сочтет это
стихам «в тихоновской манере». Но в
них нет романтизма, а штамп о безликом
человеке, чудом спасающем урожай. Не
сдержанность, а бедность. Сдержан-
ность нужна только там, где есть что
сдерживать.Я нарочно взял не самое слабое, но
самое обобщенное стихотворение Бори-
совой. Здесь банальный нарис не дра-
матизирован никаким «атласным плащом».Все давно знакомо, понятно и видно —
все, кроме живого лица автора.Прочтя стихи Борисовой, так и не
узнаешь — что она за человек, чего
хочет, что может. Блескущий лиризм
их даже теплоты и непосредственности
(чем так привлекают стихи Халова).Маска не может ни смеяться, ни пла-
кать.РИММА Казакова схожа с Майей
Борисовой по жизненному пути:
тоже окончила ленинградский при-
вуз, тоже уехала на Восток. Но тут
сходство и заканчивается.Казакова очень любила этот край,
ощутила его своим. Но она уви-
дела в нем не только «дальние дороги»,
в его людях разглядела не абстрактно-
романтических манекенов, а на плечи
себе ввалила не условный рюкзак.Скучая я по новому,
по воздуху сосновому,
по зарям даурским,
по завоям амурамским.Туда хотелось мне бы,
где не такие люди,
где не такое небо,
где все иначе будет...Иначе — то есть проще,
но многое на ощупь,
иначе — то есть легче,
но большой груз на плечи...Это написано о крае, где сейчас,
может быть, как нигде, зримо строится
наше будущее, где особенно резко и
богато проявляются характеры. Это и о
собственной судьбе. Еще полудетское
стремление повидать края, «где не та-
кое небо», вдруг преобразуется в разду-
мьем о жизни вообще. Этот «груз на
плечи» нужен не только для того, что-
бы ощутить себя выполняющим долг пе-
ред Родиной. Он должен быть просто
естественным, необходимым, как нор-
мальное атмосферное давление.И дальше Казакова еще настойчивее
утверждает постоянные поиски, смело
процеливая свое молодое неуспокоение
на развитие всей нашей жизни.Все хорошо: и лесня, и работа,
и право у костра встречать рассвет,
и даже эти поиски чего-то,
чего на деле, может быть, и нет...Поэт Степан Смоляков, рецензируя
стихи Р. Казаковой, так отозвался о
них: «Красиво... Но насторожен-
ность возрастает: к чему же искать
того, чего нет? Выходит — по-
иски все, а цель поисков — неважна,
поиски ради поисков? Этак вроде бери-
тейлинского: движение — все, цель
— ничто?»Критика давно уже дала справедли-
вую отповедь этой необъективной и ос-
корбительной рецензии. Но стоит к не-
существующей еще раз подумать, что
произошло, почему так здесь
произошло, почему так произошло
двух взглядов на жизнь. Хотел
Смоляков или нет, но он дал обратный
субъективный догматический подход не то-
лько к поэзии, но и к жизни.Верно, поиски — это не бесцельные
и бесплодные метания. Но разве цель —
это что-то формально заданное? Разве

РЕЦЕНЗИИ ЗАМЕТКИ ХРОНИКА

она — конец пути? Нет! За
каждой достигнутой целью,
за каждой преодоленной
далью открывается, говоря
словами
Твардовского,
«своя, иная даль». И чем смелее и бес-
покойнее будем мы в пути, тем богаче
будет его результат — наша общая
цель, наше будущее.Основное свойство лирического героя
Казаковой — завершенность этой «но-
вой далью». Она требует такой же за-
вершенности и от других. Но это не
было бы органичной ее чертой, если бы
Римма Казакова прежде всего и больше
всего не мерила этой мерой себя.Все-таки этот вечный юношеский за-
пад может кому-то показаться утопи-
ческим. Кто-то назовет его не «основ-
ным» свойством лирического героя, а
скорее болезнью роста. Что ж, это мо-
ло не показаться справедливым, если б
не такое, скажем, стихотворение:Один в шестнадцать лет себя находит,
а у другого — в чем беда, пойми? —
и в тридцать почему-то не выходит
ни в личном, ни в работном ни с людьми.
Он бродит неспешным по свету
без дела, без любимой, без друзей.
Один ему сочувствуют при этом
и ласково ругают: «Ротозей...»
Другие восхищаются:«Все шьет,
все не по нем. Мятенная душа!...»
Но кто-нибудь подумает:
«Вот — нищий.
«Вот — нищий.
«Вот — нищий.
«Вот — нищий.Наверное, сама Римма Казакова не
присоединилась бы к слишком
жесткой правоте последнего. Но для
нее страшно было бы сознавать,
что жизнь летит,а путь еще не начат
ни дружбой, ни любовью, ни трудом...Эти стихотворения не просто при-
надлежат поэту автору. У этих сти-
хов один лирический герой с уже опре-
деленным характером. Он — наш
молодой современник, жадный до жизни,
равно чуждый самодовольству и ас-
кетизму.РОЖДЕНИЕ поэта... Как тревож-
но и радостно следить за стиха-
ми молодого автора: вот они по-
степенно начинают отличаться от сти-
хов иных его сверстников — и уже не
пристрастием к корневой рифме или к
«лесенке». В них вырисовывается сво-
еобразный лирический герой, которого
уже ни с кем не спутаешь и никому не
принипишь.Но почему мы повели речь именно о
лирическом герое?Дело в том, что это — не просто
«эстетическая категория». Примени-
тельно к поэзии проблема лирического
героя — то же, что проблема положи-
тельного героя в прозе. Более того. Мы
знаем романы и повести, в которых ав-
тору не удалось образ положительного
героя, но при всем при том в них отра-
жены — и отражены правдиво — суще-
ственные черты современности. В поэ-
зии это невозможно. О стихах, где «не
улыбается» лирический герой, уже нельзя
сказать, что они правдиво отражают со-
временность. В лучшем случае они рас-
падаются на отдельные талантливые
строчки.С творчеством
алирийского пи-
сателя Мухаммеда
Давида знаком по
его «Роману о
набсе» и по двум
романам — «По-
мани» и «Помани».Издательство
литературы вы-
пустило в свет
третью книгу
романа «Роман о
набсе». Это рас-
сказ о жизни
мальчика, чья жизнь
напоминает жизнь
героического
героя.Роман «Роман о набсе» — правдивая
книга о современном Алирии, помогающая
понять характер героического
народа.

АЛЖИРСКИЙ БРАТ ГАВРОША

С творчеством
алирийского пи-
сателя Мухаммеда
Давида знаком по
его «Роману о
набсе» и по двум
романам — «По-
мани» и «Помани».Издательство
литературы вы-
пустило в свет
третью книгу
романа «Роман о
набсе». Это рас-
сказ о жизни
мальчика, чья жизнь
напоминает жизнь
героического
героя.Роман «Роман о набсе» — правдивая
книга о современном Алирии, помогающая
понять характер героического
народа.

АЛЖИРСКИЙ БРАТ ГАВРОША

С творчеством
алирийского пи-
сателя Мухаммеда
Давида знаком по
его «Роману о
набсе» и по двум
романам — «По-
мани» и «Помани».Издательство
литературы вы-
пустило в свет
третью книгу
романа «Роман о
набсе». Это рас-
сказ о жизни
мальчика, чья жизнь
напоминает жизнь
героического
героя.

«Доллары и смысл разоружения» — так назвали свою книгу американские авторы — экономист Виктор Перло и писатель Карл Марзани. Сегодня мы печатаем эту книгу, которая, как считают авторы, может быть полезна для понимания проблемы разоружения. В Перло и Карл Марзани разбирают этот сложный вопрос с точки зрения экономики, политики, морали. Они доказывают, что разоружение в условиях даже вооруженной американо-советской войны вполне возможно и осуществимо, и не мешают практические шаги, которые могут быть предприняты уже сейчас. В 1960 году для безболезненного перевода военного производства США на мирные рельсы. В этом авторы видят главную задачу своей книги.

НА ПРОТЯЖЕНИИ двух веков в Западной Европе рабочие ломали машины. Они видели, что новые машины использовались жестокими предпринимателями для замены квалифицированных ремесленников некавалифицированными, низкооплачиваемыми рабочими, часто женщинами и детьми, которых подвергали ужаснейшей эксплуатации и заставляли перерабатывать. В Англии тех, кто уничтожал машины, называли луддитами. Луддиты не видели корня проблемы, они боролись с машиной, вместо того чтобы бороться с предпринимателем. Сегодня многие рабочие военных предприятий являются духовными последователями луддитов. Они так же как их предшественники не понимают характера промышленной революции, эти рабочие не понимают последствий современной научно-технической революции. Они видят, что ее используют для производства оружия огромной разрушительной силы, и думают, что единственный путь получить работу — это продолжать создавать такое оружие.

Однако так думают не все рабочие, занятые на военных предприятиях, и даже не большинство из них. Но их число вполне достаточно, чтобы создать видимость широкой поддержки требований на получение военных контрактов. Более того, сюда входят, конечно, не только рабочие военных предприятий. В этом принимают участие целые общины, различные торговые, политические лидеры и средние массы. Снова и снова вся община в целом старается спасти военные контракты.

Нельзя винить рабочих и общины за их бездельное положение. Безработи-

ца — это ужасная дробильная машина. Военный завод — это конкретный фактор в их повседневной жизни: если он работает — жизнь хороша, если закрыт — жизнь нехороша. Отсюда — рефлекс, побуждающий бороться за то, чтобы он работал, бороться за военные контракты.

Проблема занятости рабочих военных предприятий намного преувеличена теми силами, которые хотят продолжить производство вооружений. Рабочие военных предприятий, их общины и профсоюзы, представляющие их, не заинтересованы в вооружении как таковом. Они не получают сверхприбылей от производства вооружений. Они совершенно закономерно заинтересованы в судьбе своих собственных общин, и, по существу, предпочитают, если возможно, невоевную работу.

Вопрос сводится просто-напросто к следующему: если произойдет разоружение, смогут ли немедленно предложить работу людям, зависящим от производства вооружений? Вопрос о сроках подписания работы важен по двум причинам: рабочий заботится о своем повседневном хлебе насущном; община беспокоится о последствиях утраты их работы. В городе, где в основном предприятия занимают производство вооружений, увольнение рабочих военных предприятий подрывает всю структуру местной экономики, что может значительно усилить вторичную безработицу. Когда у рабочих военных предприятий не предвидится заработка, прекращается строительство домов, не покупается одежда, не ремонтируются автомобили и т. п. Увольняются другие рабочие, и порочный круг очень трудно разорвать. Но если рабочие военных предприятий либо получают сразу новую работу, либо сохраняют свою покупательную способность, тогда не будет вторичной безработицы. В этом, следовательно, заключается корень проблемы. Скольких людей это может затронуть? Если их число очень велико, тогда проблема может быть очень трудной. Если небольшое, — тогда решение может быть очень простым. Давайте рассмотрим масштабы этой проблемы.

В случае всеобщего разоружения деньги, расходуемые на военные приготовления, должны расходоваться на что-то другое, и все рабочие, связанные с этим производством, должны выполнять какую-то другую работу. В приводимой ниже таблице показано распределение 45,8 миллиарда долларов, отпущенных на военные расходы в 1960 финансовом году, и связанных с ними рабочей силы в Соединенных Штатах.

Статьи	Расходы в миллиардах долларов	Занятость в тысячах
I. Вооруженные силы (только денежное содержание)	9,4	2,520
II. Вооружение и строительство	21,2	2,390
III. Обеспечение и услуги	6,8	760
IV. Гражданские служащие в вооруженных силах	4,0	800
V. Расходы за границей и на иностранную военную помощь	4,1	0
VI. Прогнозы, запасы, различные финансовые сборы	0,3	0
ИТОГО	45,8	6,440

• Источник: составлена на основании бюджета США и данных бюро переписи.

Около 6,5 миллиона, или почти 9 процентов, из 73 миллионов рабочих получают работу и оплачиваются за счет военных статей бюджета. Из этого числа 2,5 миллиона находятся в вооруженных силах и почти 4 миллиона — гражданские лица.

Из гражданских лиц 800 тысяч работают на военных базах, в арсеналах и т. д. 2,360 тысяч работают на заводах по производству самолетов, управляемых снарядов, водородных бомб и их компонентов и заняты в военном строительстве, включая всевозможную транспортировку и различные работы. 760 тысяч снабжают армию продовольствием, одеждой, обувью, оказывают различные коммунальные услуги, включая транспортные обслуживания.

Нарасходовать 46 миллиардов долларов и переместить миллионы человек — задача большая, но не страшная. Более того, это перемещение будет происходить не сразу. Судя по международной обстановке, разоружение будет осуществляться по стадиям в течение ряда лет. Наиболее часто называемый срок осуществления программы разоружения — четыре года. Этот срок называл Хрущев и торговая палата США. Следовательно, за один год нужно перевести на другие работы всего лишь полтора миллиона человек. С рабочей силой, достигающей 73 миллионов человек, эта цифра не кажется чересчур большой. Нет. Переход от войны к миру в конце второй мировой войны по своим масштабам был в 20 раз больше. Правда, имелось много работ, был большой спрос. Но сейчас речь идет лишь об одной двадцатой части этой проблемы, и, как видим, в настоящее время имеется большой неудовлетворяемый спрос.

ГЛАВНАЯ экономическая истина заключается в том, что прекращение производства вооружения не означает прекращения всего производства: речь идет об изменении его характера. Это понятие является основным в нашей дискуссии. Некоторые считают, что последствия разоружения следует вывести из общего производства. Это не так. Их нужно прибавить к производству полезных товаров. Если вы перестанете строить дом, то кто-то пострадает, не получив жилища. Если вы перестанете работать над ракетой или атомной бомбой, а вместо этого постройте дом, никто не понесет ущерба, кроме владельца военного

предприятия, хотя и он не обязательно пострадает. Он всегда может вложить свои капиталы в жилищное строительство, это в конечном счете куда более надежное дело, даже если прибыли будут немного меньшими.

Средства, расходуемые на вооружение, уже затрачены в процессе производства. Они поступают к правительству в виде налогов и уже у него в руках. Деньги есть. Единственная проблема — израсходовать их. Вопрос состоит в том, существуют ли сегодня в Америке такие потребности, на которые нужны деньги?

Поставить такой вопрос — значит ответить на него. Мы уже упоминали, что в конце второй мировой войны существовал огромный спрос на все виды товаров, которые не выпускались во время войны, — автомобили, одежда, холодильники, дома, телевизоры и т. п. и т. д. Не все понимают, что пропорционально масштабам проблемы реконверсии сейчас имеется в равной мере огромный неудовлетворяемый спрос.

Мы не говорим о неудовлетворенном спросе одной трети населения, нуждающейся в одежде, жилищах, в товарах всех видов. Мы говорим об огромном спросе всего населения Америки на все виды муниципальных работ, начиная с мощения улиц и уборки мусора и кончая школами, пожарной охраной, парками, судами и адвокатами. Расходы, связанные с «холодной войной», разрушили наши общины. Как говорит губернатор штата Флорида Лерой Коллинс, «расходы, связанные с «холодной войной», держат в тисках неотложные общественные программы». Поскольку положение за последние 15 лет ухудшалось постепенно, мы, американцы, сейчас не полностью осознаем это. Мы чувствуем это во всем — в плохом транспорте, в росте преступности, в изрытых ухабами улицах, но мы еще не ощущаем всех последствий. Наблюдатели из Европы, с другой стороны, заметили это сразу. Они удивляются тому, что наша богатая страна должна так сокращать общественные работы.

Есть деньги, есть спрос, масштабы реконверсии вполне нам по плечу. Давайте рассмотрим это более подробно. Вот приводимая выше таблица, но составленная из расчета четырехлетней программы. Это та же самая таблица, только приводимые ею цифры разделены на 4, чтобы посмотреть, что пришлось бы сделать за первый год:

Статьи	Расходы в миллиардах долларов	Занятость в тысячах
I. Вооруженные силы (только денежное содержание)	2,4	630
II. Вооружение и строительство	5,3	590
III. Обеспечение и услуги	1,7	190
IV. Гражданские служащие в вооруженных силах	1,0	200
V. Расходы за границей и на иностранную военную помощь	1,0	0
VI. Прогнозы, запасы, разные финансовые сборы	0,1	0

Прежде всего следует обратить внимание на то, что категория III — обеспечение и услуги, — охватывающая 190 тысяч человек, не составляет целиком из лиц, непосредственно связанных с военным производством. Это в основном «равнозначные единицы», а именно: предположим, что на какой-то телефонной станции, 2 процента работы которой приходится на обслуживание военных, работает 60 человек; следовательно, один служащий вылю-

чен в эти 190 тысяч человек, хотя отношение его к этому весьма слабое. Если сохранится работа в этой ячейке, этим людям не придется искать другую работу. Такой проблемы нет.

Солдаты также не представляют проблемы. Подавляющее большинство из них — это молодые люди, не имеющие семей и не входящие в общину, которая была зависла от них; их место в различных школах — технических, торговых, в колледжах, чтобы получить специальность, необходимую обществу. Так или иначе, но большинство из них это делает. Современная война настолько сложна, что из молодежи, попавшей

Виктор ПЕРЛО, Карл МАРЗАНИ

в армию, сразу же начинаются готовить радиолокационных техников, полетчиков реактивных самолетов, техников по ремонту, поваров, плановиков и все что вы хотите. Вместе военных школ они будут обучаться в гражданских школах, что будет лучше и для них, и для всей образовательной системы Америки. Деньги есть, а принятие специального закона о военнослужащих, что делается обычно в конце войны, не создаст особой проблемы. Мы осуществили бы такие программы — в конце второй мировой войны и в конце войны в Корее, и как правительство, так и школы имеют необходимый опыт. Как уже говорилось, деньги есть — и много. 100 миллионов долларов, идущих на всю IV категорию, уже достаточно для того, чтобы оплатить расходы по обучению 150 тысяч студентов.

По крайней мере две трети состава вооруженных сил — это люди студенческого возраста, и они пошли бы в колледж, техникум, школу, на производство. 150 тысяч могли бы пойти в колледж, что почти в 5 процентов увеличивало бы число студентов; 250 тысяч могли бы пойти в коммерческие и технические школы. Оставшейся одной трети, или 200 тысяч человек, пришлось бы искать работу на производстве. Расходы, связанные с изменением образовательной программы, составили бы не более миллиарда долларов, причем осталось бы 1,4 миллиарда из I категории, которые могли бы быть использованы на другие цели.

К 200 тысячам уволенных из армии следует добавить рабочих и служащих военных учреждений — категорию II и IV, или 800 тысяч рабочих, на которых приходится 6,3 миллиарда долларов. Все они в целом составляют один миллион человек. Найти работу для 1 миллиона человек в стране с общим населением рабочей силы в 73 миллиона человек — вполне решимая проблема. При наличии средств, полученных от сокращения деятельности в военной сфере в сумме 7,4 миллиарда долларов (категории II и IV плюс 1,4 миллиарда из категории I), решить эту проблему легче, чем проблему полетов в космос.

Например, в Америке существует острая необходимость в муниципальном строительстве и услугах. Деньги можно использовать немедленно: не требуется ни специального планирования, ни длительного размышления. Нет ни одного школьного совета в Америке, который не смог бы израсходовать некоторую сумму денег немедленно. Нет ни одного муниципалитета, который не находился бы в стесненном финансовом положении. Администрации штатов и муниципалитеты израсходуют примерно 50 миллиардов долларов в этом году. Три миллиарда долларов в виде субсидий только на 6 процентов увеличили бы их

На бомбе надписи: «Ядерная энергия» на книге — «Как успешно использовать в мирное время».

Рисунок художника Кармента на американской газете «Крисчен саенс монитор»

расходы и обеспечить бы фонды для необходимого строительства или улучшения школ, больниц, улиц, транспортной системы и т. д. Это дало бы работу в строительстве 325 тысячам человек и в управлении 125 тысячам, или всего 450 тысячам человек.

Пожалуй, наиболее неотложной социальной потребностью в Америке является жилищное строительство. За последние десять лет строительство домов нефермерского типа в среднем составляло немногим более миллиона в год, и положение постоянно ухудшается. По подсчетам АФТ—КПП, необходимо строить дополнительно еще 900 тысяч квартир в год. Небольшая программа, составляющая по объему только одну четвертую того, что рекомендует АФТ—КПП, обеспечила бы строительство в 225 тысяч домов и удовлетворила бы самые неотложные нужды. Это увеличило бы лишь на 20 процентов жилищное строительство и все же обеспечило бы работой 450 тысяч рабочих. Расходы для правительства минимальны, поскольку 80 процентов государственного жилищного строительства может финансироваться частными лицами. Федеральному правительству пришлось бы выделить только 600 миллионов долларов на строительство 225 тысяч домов общей стоимостью в 3 миллиарда долларов. Остальную сумму можно было бы получить на финансовом рынке за счет корпоративных фондов, идущих сейчас на финансирование вооружений.

Претворение в жизнь этих скромных предложений, позволяющих увеличить муниципальные программы лишь на 12 процентов и жилищное строительство на 20 процентов, могло бы начаться немедленно, и оно обеспечило бы работой 900 тысяч человек. А мы едва затронули возможности того, что можно сделать немедленно. Взять, например, категорию V программы военной помощи, на основании которой доллары расходуются за границей и которая почти никак не сказывается на повышении занятости американских рабочих. На один миллиард долларов из этой категории, если его направить на мирную экономическую помощь слаборазвитым странам в виде машин, тракторов, тягачей, заводов и т. п., можно обеспечить работой 150 тысяч американцев наряду с упорением международных отношений. Расширение торговли имело бы такой же эффект. В некоторых экономических кругах стало модно преуменьшать возможности расширения торговли между Востоком и Западом, и все же торговля между социалистическими и капиталистическими странами подвинулась с низшей точки — 3 миллиарда долларов в 1952 году до 8 миллиардов долларов в 1959 году. Она возрасла ежегодно на 10—20 процентов. Соединенные Штаты не много выиграли от этого расширения, потому что в 1959 году они сохранили, по существу, полное эмбарго на торговлю.

Еще миллиард долларов, высвободившийся из фондов на вооружение, мог бы с пользой быть израсходован на научные исследования и развитие в мирных целях. На эти деньги можно было бы занять полезным трудом 100 тысяч ученых, инженеров, техников, включая тех, кто высвободился из сферы производства вооружений.

Мы внесли простые предложения, несущие исключительные практические характеры: осуществление их обеспечило бы работой 1 300 тысяч человек, или почти на одну треть больше необходимой цифры. Более того, упомянутые программы оказали бы исключительно здолное влияние на экономику, послужив прочной базой для ее расширения. Возможность для расширения очень велика. Мы здесь привели только набросок того, что может быть сделано, чтобы показать, что масштабы этой проблемы не очень велики и что ее можно легко разрешить.

Внимательный читатель заметит, что осталось еще 2,8 миллиарда долларов, которые могут быть использованы. Часть из них правительство может использовать для снижения налогов, что обеспечило бы дополнительный доход, который был бы израсходован немедленно и таким образом еще больше стимулировал экономику.

Н. Н. МИХАЙЛОВ

ВЕСЬ мир думает о Кубе. Думаю и я, вспоминая жаркий лальмовый остров у синего Гольфстрима.

Я был на Кубе летом 1958 года в команде «Ангара», бравшей там партию сахара. Сейчас мне хочется рассказать, как относился к простоте кубинцы и нам тогда, два года назад, в тяжелое и страшное для них время беспартия. Рассказать, как встречались они с теми, кто тогда ошесточившийся Батиста, терроризируя страну, отчаянно штурмовал позиции Фиделя Кастро в ущельях и на вершинах Сьерра-Маэстра. Собираясь в кругосветное плавание с заходом на Кубу, я решил взять с собой изданную в Москве книгу «Старик и море» Эдварда Хемингуэя. У нас его издают, читают, ценят. Но корабль был принят в Гавану, в предместье которой живет Хемингуэй, а портами южного берега Кубы, отстоящими на сотни километров от Гаваны.

Начала кубинские власти направляли судно к сахарному заводу Сан-Рамо. Там нас окружила война. Местность была заперта армией Батисты. По ночам гремела перестрелка. «Ангара» у причала стерегла солдаты с автоматами.

Все же мне удалось добраться в автобусе до городка Мансанильо, связанного с Гаваной автострадой. Я даже видел на аэродроме самолет с открытой двер-

Минимал Эдвард Хемингуэй: — Как бы вы сказали, мистер президент, — мы продаем ли свободу или свобода надвигается на нас?

Рисунок художника Эдварда Хемингуэя из английской газеты «Дейли уоркер»

цей; сажали пассажиров. Лететь, однако, было невозможно. Чиновик, поселившийся на «Ангаре», — из-за пояса у него торчала деревянная рукоятка пистолета, — в последний момент приставил ко мне таможенника в штатском, внешнеюстью похожего на Капаланау, — и тот не отходил ни на шаг. К тому же надоели непрерывные обсыпки.

Но тут вдруг кубинец-таможенник, мне открытый в новом свете. Он привел меня в семью своей замужней сестры — каменщицы, вышедшей в третий раз в узком переулочке. Каменщица была рада! Одно из самых теплых воспоминаний моей жизни. На противоположном конце планеты, под тропиком Рака, в прифронтовом городе, в двух шагах от головорезов Батисты, танцевали с русскими, поили его глупым кофе с кусочками сыра, провозили всем домом, махали платками, пока шел до утра...

Потом сидели в кабачке — двери, как в ковбойских фильмах: две створки на

Рисунок художника Адихио из кубинской газеты «Нотисмас де ой»

высокие груди — и пили с шофером такси, с лодочником, с каким-то уличным торговцем красное вино со льдом «за кубинский народ, за русский народ!». И вечеру я с книгой возвращался на борт «Ангара», и там, в каюте, таможенник поставил последний штрих в своем облике: снял со стены картонку календаря с лицом Ленина и приложил ее к губам.

Через неделю из Сан-Рамо судно перевезло в Сантьяго — центр мятежной провинции Ориенте, у самого подножия Сьерра-Маэстра. Тогда это был, как говорят метеорологи, «глаз бури»: зловеще-тихая точка в середине бушующего урагана. Город удерживал Батиста, а вокруг, на склонах гор, шли жестокие бои. Впрочем, и сам город кипел: склад, из которого нам надлежало брать сахар, пылал, подожженный партизанами.

Раз ужо Гавану не доехать, подумал я, придется «Старик и море» послать почтой. Но на почте произошло неожиданное: служитель выскочил из прилавка и, со страстью обнимая меня, закричал: — Ура! Рус! Коммунист!

Собравшись люди, жали мне руки. Чтобы не собирать толпы, пришлось уйти. Если и с почтой не вышло, как же перестать советскую книгу?

Риснул доверять это дело работнику департамента иммиграции, жителю Гаваны — я познакомился с ним в порту Сантьяго. Человек этот был потрясен, увидев у меня в каюте две кубинские книги, вышедшие в СССР в переводе с испанского: «География Кубы» Марро и «Избранное» национального героя кубинцев — Марти. Радость изумления вызвала мою отлучку с имплатно... И я вручил гаванцу «Старик и море» с письмом, написанным по-английски:

«Дорогой Хемингуэй! Я рад послать Вам с моим другом Хосе Вашу книгу, изданную в России. Сердечный привет. Михайлов, «Ангара».

На этом мои заботы кончились. Сахар был погружен, и мы ушли через Панамский канал на Дальний Восток. Я, собственно, больше и не вспоминаю о «Старике и море», потому что на Кубе разгорелись такие огненные события, что, был я уверен, там не до передачи случайных посылок.

Полтора года спустя, в дни, когда Кубу, он свободную, посетил Анастас Иванович Микоян, я прочитал в газетах, глазами своим не веря: «Хемингуэй показал А. И. Микояну письмо от советского моряка с парохода «Ангара» и подарил ему русское издание повести «Старик и море».

Следовательно, Хосе поручение выполнил. Сейчас, когда весь мир думает о Кубе, я позволю себе сказать моим друзьям кубинцам — людям чистой, веселой, бесстрашной души: — Спасибо за дружбу, за верность слову!

СОВЕТСКАЯ КНИГА В СТРАНАХ МИРА

ИТАЛИЯ

ОГРОМНЫЙ УСПЕХ

«Новый мировой бестселлер самого великого из современных советских писателей», пишет итальянская печать о новом издании романа М. Шолохова «Поднятая целина».

После выхода в свет в Италии «Тихого Дона», имевшего, по отзывам критики, огромный успех у читателей, издательство «Эдиторио риунити» выпустило в четырех томах «Поднятую целину».

Книга, по сообщениям печати, полностью разошлась. Издательство выпустило также в литературной серии «Великие прозаики» повторное однотомное издание «Поднятой целины». Переведены на итальянский язык и главы романа «Он сражался за Родину».

На снимке: обложка итальянского издания романа «Он сражался за Родину». Рис. художника Франца МАЗЕРЕЛЛА

Литературные новости

ВЕНГРИЯ

22 ПОРТРЕТА

Двадцать два венгерских литератора рассказывают о двадцати двух советских писателях на страницах сборника «Советская литература», выпущенного недавно в свет издательством «Гондолет». Перед читателем предстает галерея писательских портретов от Горького до Твардовского.

Известный литератор Ласло Эрдеши в своей рецензии подчеркивает, что сборник показывает советскую литературу в ее подлинном богатстве, в разнообразии творческих индивидуальностей.

Среди материалов, вошедших в сборник, венгерская критика отмечает литературный портрет А. Фадеева Гезы Юхаса и В. Маяковского, написанный Ласло Кардешем. О С. Есенине рассказывает Эолант Гера. В сборнике — статьи о жизни и творчестве М. Горького, М. Шолохова, А. Толстого, Л. Леонова, К. Федина, А. Твардовского, Г. Гаудакова, К. Симонова, С. Шипачева, Джамбула и других советских писателей.

КИТАЙ

МИЛЛИОННЫМИ ТИРАЖАМИ

В книжных магазинах и киосках Пекина появилась брошюра «Советская литература — учитель и друг китайского народа». Открывается она «Словом и читателем» выдающегося китайского писателя Мао Дуня. В ней также помещены высказывания о советской литературе таких известных писателей, как Ба Цзинь, Лао Шэ, писателя читатель, рецензии.

Интересные данные приводятся в брошюре. Так, например, с апреля 1951 года по 1960 год крупнейшее издательство «Женьминь вэньсюэ» выпустило 364 книги общим

НА ВЫСТАВКЕ В ЧИКАГО И НЬЮ-ЙОРКЕ

Американская ассоциация книготорговцев организовала в Чикаго и Нью-Йорке международную выставку книг. На ней была показана литература 35 государств.

Советский стенд (общинный СССР в выставке на выставке, его книги были представлены американской ассоциацией «Фонд континент бун») пользовался особым вниманием у публики. На нем было выставлено наибольшее количество — около 2 200 экземпляров радиообразных по тематике книг.

Высокую оценку советскому стенду дали посетившие выставку бывший губернатор штата Нью-Йорк Гарриам, известный общественный деятель, писатель Эдвард Рузвельт и другие.

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ

В западногерманском издательстве «Иксель-Ферлаг» вышел сборник произведений Юрия Олеши. Гамбургская газета «Ди вельт» перепечатала из этого сборника рассказ «Любовь», снабдив его иллюстрациями художника Марины Вайнштейн. Один из рисунков к этому рассказу мы воспроизводим.

КОРОТКО

АНГЛИЙСКИЙ журнал «Нью стейтсмен» опубликовал рецензию Кита Уотерхауса на повесть Сергея Антонова «Дело было в Пензенке», которая привлекла внимание английских читателей. Критик высказывает сожаление, что с другими произведениями писателя он знаком только по названию.

Особенно удалось изображению первых месяцев войны, военных действий и массовых сцен, а также портреты героев романа.

АЛБАНСКОЕ государственное издательство готовит к печати «Омгу Гордея» и «Дело Артамонова» М. Горького, роман «Абай» М. Ауэзова, «Русский лес» Л. Леонова, в также сборник рассказов современных советских писателей.

В ПЕРЕКЛАДЕ на греческий язык вышел отдельным изданием очерки Б. Пелевого о Греции.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОВЬЕВ, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»

Подписная плата на один месяц — 5 р. 20 к. на 3 месяца — 15 р. 60 к. Подписка принимается городскими и районными отделениями связи.